

А. Радеев

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ



Фадеев Александр Александрович

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Художник *И. А. Литвишко*

Худож. редактор *В. В. Медведев*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректоры *Л. К. Фарисеева*
и *Ф. Л. Эльштейн*

Сдано в набор 25/I 1957 г. Подписано в печать 26/VI 1957 г. А 05340. Бумага 60×92₁₆.

Печ. л. 63,75 (63,75). Уч.-изд. л. 56,28.

Тираж 20 000. Зап. № 220. Цена 24 р. 50 к.

Издательство „Советский писатель“
Москва, К-104, Б. Гнезниковский пер., 10

Типография № 2 Управления культуры
Ленгорисполкома

Ленинград, Социалистическая, 14

АЛЕКСАНДР
ФАДЕЕВ

*За тридцать
лет*

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ, РЕЧИ И ПИСЬМА
О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Советский писатель

МОСКВА

1957

*Составление, редакция
и примечания
С. Н. Преображенского*

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Александр Александрович Фадеев принадлежит к поколению тех писателей, которые еще совсем юными начали закладывать основы советской многонациональной литературы. С его именем связана молодость нашей литературы, большой и сложный путь ее развития и борьбы за новые задачи современности.

«Нам первым,— говорил Фадеев,— выпало на долю счастье рассказать людям о социалистической жизни и о том, как она была завоевана. Нам выпало на долю счастье — детскими еще губами произнести такие слова в художественном развитии человечества, какие до нас не мог сказать ни один, даже самый крупный, из художников прошлого».

А. Фадеев широко известен не только как один из крупнейших художников социалистического реализма, автор выдающихся художественных произведений,— он известен также как теоретик, литературный критик, редактор, как видный общественный и государственный деятель. Перу А. Фадеева принадлежат работы по теории социалистического реализма, а также многочисленные статьи по отдельным вопросам советской литературы.

По свойству своего характера А. Фадеев никогда не был и не мог быть сторонним наблюдателем литературного процесса. Он считал для себя необходимым, обязательным активно вмешиваться в жизнь литературы и, идя буквально «по свежим следам», обобщать поиски новой эстетики, горячо бороться за то, что он считал правильным, соответствующим линии Коммунистической партии, отвечающим интересам и запросам народа,— против всех тех, в ком он видел идейных противников. Этот боевой, наступательный характер, который всегда проявлял Фадеев при решении острых идеологических вопросов, счастливо сочетался у него с поистине влюбленным отношением к литературе и искусству.

Фадееву принадлежат немалые заслуги в борьбе со всякого рода проявлениями враждебной идеологии на литературном фронте. При этом важно отметить, что борьба с эстетскими, декадентскими пережитками не

была для него кратковременной «кампанией»: критика пережитков буржуазной идеологии в литературе и литературоведении, заключенная в статьи и речах А. Фадеева, неразрывно связана со всей системой его теоретических взглядов.

Настоящий сборник, не охватывая всего литературно-критического наследия А. Фадеева, включает в себя лишь наиболее значительные статьи, речи, письма и заметки по вопросам литературы и искусства.

Сборник «За тридцать лет» состоит из четырех разделов.

Первый раздел включает статьи и речи А. Фадеева по общим вопросам развития советской литературы, литературной теории и критики за тридцать лет. На страницах сборника как бы оживают три последних десятилетия в самых их характерных чертах — с их острой идеологической борьбой, исканиями и становлением идейно-художественных воззрений. Это статьи, посвященные разработке основных проблем социалистического реализма, — об отношении писателя к окружающей действительности, о партийности литературы, об отношении к литературному наследию, о многообразии форм и творческих направлений внутри социалистического реализма, статьи, отражающие борьбу с идеологически чуждыми влияниями в литературе. Во всех этих статьях Фадеев выступает как страстный борец за воинствующую партийность литературы, за ее коммунистическую идейность.

Первый раздел открывается несколькими статьями и речами, написанными и произнесенными А. Фадеевым в период его пребывания в руководстве Российской ассоциации пролетарских писателей (1926—1932).

В этих статьях и речах нашли отражение некоторые ошибочные взгляды А. Фадеева, а также отдельные неточные, а порой и противоречивые формулировки и оценки, впоследствии осознанные и частично исправленные им в ряде других выступлений.

Статьи и речи «Столбовая дорога пролетарской литературы» (1928), «Против верхоглядства», «Долой Шиллера!», «За ТРАМ и против «трамчванства» (1929), «За художника материалиста-диалектика!» (1930) наглядно свидетельствуют о том, что советская литература росла и крепла в упорной идеологической борьбе, в постоянном соревновании разноречивых мнений, идейно-творческих направлений и платформ; она шла вперед трудным путем, завоевывала одну вершину за другой.

Внимательный читатель этого сборника, хотя бы немного знакомый с сутью литературных споров того времени, сможет проследить, как в этих ранних статьях и речах А. Фадеева — сквозь неточные, а порой и ошибочные формулировки и лозунги — проступает правильное по существу понимание задач советской литературы.

Нередко беря ошибочные рапповские формулы и схемы, Фадеев, со свойственной ему политической остротой видения *существа* дела, отметал случайное, наносное, наполнял эти схемы и формулы новым содержанием, высказывал острые мысли, многие из которых бесспорны и в наши дни.

Так, например, ссылаясь на пресловутую рапповскую теорию «живого

человека», А. Фадеев давал ей свое толкование, не совпадающее с ее объективным смыслом и значением в истории советской литературы, *правильно* определяя задачу писателя полноценно отобразить действительность и показать советского человека не как схему, не как абстракцию, а как живой человеческий образ «во плоти и крови».

Нетрудно проследить, как близок был А. Фадеев в 1928—1930 годах к правильному определению сущности нового творческого метода советской литературы. Однако он ошибочно, без должного учета специфики литературы и философии, продолжал называть этот новый творческий метод по-рапповски — методом диалектического материализма в литературе, механически отождествляя материализм — идеализм с реализмом — романтизмом.

«...попытка осмыслить свой собственный творческий путь была присуща мне почти с самых первых шагов моей литературной деятельности,— говорил А. Фадеев в 1947 году,— но в юности надо мною довели многие очень книжные представления, и поэтому мое представление о собственной работе и о работе моих товарищей вначале просто противоречило моему собственному опыту. Всем известно, что я принадлежал к той группе литераторов в период РАППа, которая начала с очень яростного отрицания романтики, вообще романтического начала, причем отсюда происходила и эта книжная теория диалектического материализма в литературе. Романтизм в целом, олицетворявшийся, прежде всего, в Шиллере, выносился за одну скобку; ему в этих первоначальных теориях противопоставлялся французский реализм, причем такие писатели, как Бальзак, Флобер, Стендаль, Гюго, Доде, брались за одну скобку, объединялись в одно целое».

Из неверного понимания романтизма как метода, которому присуще якобы «мистифицирование действительности» и «выдумывание» героической личности, возник рапповский лозунг, с которым А. Фадеев выступил в 1929 году,— «Долой Шиллера!» — впоследствии признанный самим Фадеевым глубоко ошибочным.

Исходя из того, что некоторые критики весьма единодушно признавали автора «Разгрома» последователем толстовского реализма, он и сам считал себя на первых порах «очень законченным моралистом, разоблачителем, срывателем всех и всяческих масок». Но каково же было «удивление» Фадеева, как признает он сам, когда, более внимательно взглянув на «Разгром», он понял, «что это произведение, несомненно, несет в себе очень значительные элементы романтики». Фадеев убеждается в том, что все основные герои его романа «гораздо более близки к горьковским образам, чем к толстовским, и, несомненно, образы романтические».

После известного постановления ЦК партии от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» Фадеев активно пересматривает свои взгляды на развитие советской литературы, глубоко размышляет над творчеством и своим и ряда крупнейших писателей-современников. «Если в одном слове объединить все мои размышления и поиски на протяжении истекших... лет,— говорил он в 1947 году,—

то они сведутся, в общем, к попыткам определить роль, значение и место романтизма в социалистическом реализме и в собственном творчестве».

С годами Фадеев окончательно приходит к выводу, что его старое, как он говорил, «книжное» представление о путях развития литературы — неверно, что социалистический реализм, обнимающий *все* стороны правдивого изображения жизни в ее революционном развитии, неизбежно включает в себя и революционную романтику, «без которой нет социалистического реализма», как нет его и без «критического отношения ко всему отсталому, косному». В 1956 году А. Фадеев пишет по этому поводу: «Под романтикой в литературе надо понимать художественное выражение или воплощение желаемого, допускаю — мечты художника. В тех случаях, когда желаемое и должное — мечта — не уходит от жизни, а вытекает из правдивого изображения самих явлений жизни, эта романтика выступает как необходимый и важнейший элемент всякого большого, подлинного, «крылатого» реализма».

А. Фадеев считал, что, несмотря на ошибочность некоторых положений его ранних статей, их все же полезно опубликовать. «Вычеркивать эти статьи — нельзя», — говорил он. Им руководило искреннее желание не «улучшать» и «не приукрашивать» ничего в своей деятельности.

В начале 1955 года А. Фадеев собирался написать к сборнику «За тридцать лет» предисловие, в котором предполагал раскрыть историю становления своих теоретических и эстетических взглядов, осмыслить весь свой путь теоретика и критика литературы, а также объяснить свои ошибки и заблуждения юношеских лет. Он хотел высказать в этом предисловии ряд мыслей, которых, по его мнению, не хватало в его критических и теоретических работах, но которые непосредственно вытекали из его писательской практики.

Впоследствии, уже заканчивая работу над сборником, Фадеев несколько изменил свое первоначальное намерение. «Предисловие у меня много места не займет», — писал он автору этих строк 13 марта 1956 года, — ибо я уже проделываю следующую вещь: я вставляю в текст старой статьи «Задачи литературной критики» и в текст последней своей статьи «Заметки о литературе» главную часть того, что предполагал сказать в предисловии». Таким образом, А. Фадеев решил ограничиться лишь кратким вступлением к сборнику. Однако и оно не было написано. Судя по имеющимся наброскам плана этого вступления А. Фадеев хотел высказать в нем некоторые частные замечания, касающиеся его отдельных статей и выступлений. В частности, он предполагал прокомментировать в нем некоторые свои конкретно-критические оценки. Так, например, он хотел «обязательно оговориться в тех случаях, когда писатели в прошлом писали идеологически вредные вещи, а потом исправились (Вс. Иванов, А. Платонов, Н. Заболоцкий). Оговориться в тех случаях, когда разбираются произведения писателей, ныне уже устаревшие. Сказать, что этого *нельзя* вычеркивать. Тогда так воспринималось. Это уже история».

Не написав предисловия, А. Фадеев, однако, в значительной степени

выполнил ту задачу, которую оно должно было решить. Некоторые положения своих статей он уточнил, редактируя эти статьи для настоящего сборника, другие объяснил в примечаниях, написанных в последние месяцы жизни.

Большое место в деятельности А. Фадеева — теоретика и критика — занимали выступления по вопросам литератур народов СССР. В статьях и речах А. Фадеева, в его рецензиях и критических заметках, в письмах и дневниках мы находим теплые, полные глубокой заинтересованности, взволнованные слова о судьбах нашей *многонациональной* советской литературы. Он ведет большую переписку со многими своими друзьями, писателями из братских республик. Искренне, от всей души, радуется их творческим успехам, пишет им дружеские, ободряющие письма, внимательно читает их рукописи, книги, делает критические замечания, дает творческие советы, помогает в редактировании и издании новых книг.

В своих теоретических работах А. Фадеев уделяет много внимания изучению актуальных проблем национальной формы в литературе социалистического реализма, призывая писателей и всех деятелей литературного фронта к углубленной разработке насущных теоретических вопросов, связанных с дальнейшим развитием братских национальных литератур.

В сборнике публикуется лишь часть выступлений А. Фадеева о литературе народов СССР, свидетельствующих, каким неутомимым пропагандистом горьковских заветов был А. Фадеев в деле сплочения всех национальных писательских сил нашей страны.

А. Фадеев проявлял живой интерес к развитию *разных* жанров советской литературы. В первом разделе сборника публикуется ряд его высказываний по вопросам советской поэзии, драматургии и кинодраматургии.

В первый раздел сборника включено также несколько публицистических выступлений А. Фадеева, относящихся главным образом к периоду Великой Отечественной войны («О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР», «Единение славянских народов и борьба с гитлеризмом» и др.). Сюда же отнесены и главы из книги очерков «Ленинград в дни блокады», отобранные автором специально для настоящего сборника (при этом А. Фадеевым была дополнительно написана небольшая главка «Подводная лодка Маяковского»).

А. Фадеев был одним из организаторов и руководителей всемирного движения сторонников мира. Публикуемые в сборнике выступления А. Фадеева на международных конгрессах сторонников мира, на многотысячных митингах за рубежом, на встречах с деятелями науки и культуры разных стран (Англии, Швеции, США, Чехословакии, Китая, Польши, Франции, Италии и др.) сыграли значительную роль в сплочении сил зарубежной прогрессивной интеллигенции под знаменем борьбы за мир во всем мире.

Внутри первого раздела сборника материалы расположены, в основном, в хронологическом порядке (в соответствии со временем их написания или первой публикации).

Второй раздел включает многочисленные статьи, речи, письма и рецензии А. Фадеева, посвященные творчеству различных писателей и деятелей советского искусства.

Подавляющее большинство материалов этого раздела публикуется впервые и потому представляет особый интерес. Они наглядно свидетельствуют о той большой и крайне разнообразной работе, которую все эти годы вел А. Фадеев, как литературный критик и как требовательный, но вместе с тем всегда доброжелательный редактор.

Надо сказать, что вообще в литературном наследии А. Фадеева переписка с писателями и читателями занимает большое место. В настоящий сборник включена лишь малая доля этой переписки. Дальнейшая разработка, систематизация и публикация этой части наследия писателя — дело будущего.

В сборник включены не опубликованные до сих пор письма А. Фадеева к М. Горькому, содержащие анализ романа «Жизнь Клима Самгина», а также письма и высказывания о творчестве А. Толстого, Н. Островского, И. Эренбурга, В. Кетлинской, В. Инбер, М. Исаковского и многих других. Особое место занимает переписка А. Фадеева со старейшим латышским писателем А. Упитом по вопросам социалистического реализма.

А. Фадеев проявлял большой интерес не только к литературе, но и к театру, кинематографии, музыке, живописи. Его постоянная забота об успехах и дальнейшем процветании советского искусства нашла свое отражение не только во многих статьях первого раздела настоящего сборника, но и в публикуемых здесь письмах к деятелям советского театрального и музыкального искусства.

Очень много времени и внимания А. Фадеев уделял творчеству молодых авторов. В его литературном архиве мы находим много материалов, свидетельствующих о его заботливом отношении к молодежи: он внимательно читает рукописи, правит многие из них, пишет «сердитые» письма с требованием «учиться, учиться»; он щедро дает творческие и «житейские» советы, многим нуждающимся оказывает материальную помощь. В сборник включены лишь некоторые из писем к молодым авторам, отобранные самим писателем.

Особое место в этом разделе сборника занимают так называемые «внутренние» рецензии, писавшиеся А. Фадеевым на рукописи тех или иных произведений. Собранные под рубрикой «По страницам изданных и неизданных рукописей», все они публикуются впервые.

Расположены эти рецензии, равно как и письма к молодым авторам, в хронологическом порядке. Все остальные материалы второго раздела публикуются в порядке, определенном автором.

Третий раздел состоит из «Субъективных заметок» — систематизированных высказываний А. Фадеева о литературе и искусстве, взятых из его записных книжек за 1935—1955 годы.

Эти яркие и острые, нередко спорные, но всегда очень страстные высказывания писателя о великих художниках прошлого и многих наших со-

временниках свидетельствуют о большом диапазоне эстетических вкусов и интересов А. Фадеева, о его постоянном стремлении способствовать возвышению нашей советской, социалистической культуры.

История этих «Заметок» такова. В 1947 году по просьбе творческой секции московских писателей-прозаиков А. Фадеев выступил с докладом «О своей работе», в котором он впервые процитировал некоторые из своих записей о русских писателях-классиках. Доклад этот вызвал большой интерес писательской общественности, но, к сожалению, не был опубликован из-за плохой — неполной — стенографической записи.

Идея создания «Субъективных заметок» родилась в процессе подготовки настоящего сборника.

Отказавшись от восстановления записи доклада «О своей работе», А. Фадеев в одном из писем к автору этих строк писал: «Не горюйте о стенограмме «О своей работе». Ее «теоретическая» часть изложена в других статьях. Факты о написании «Молодой гвардии» изложены в двух выступлениях перед читателями. А то, что там есть о русской классике, — незавершенное цитирование моей записной книжки, — это я все выберу из своих записных книжек, и мы это дадим под названием «Субъективные заметки» (о русской классике) — как завершающее к разделу о языке, о своей работе и пр.».

Замысел этот реализован несколько полнее: в «Субъективные заметки» включены многие высказывания А. Фадеева не только о русской классике, но и о творчестве ряда западноевропейских писателей, живописцев и композиторов, а также о многих творческих проблемах литературы и искусства, которые всегда так горячо волновали А. Фадеева.

Фадеев хотел продолжить эти «Заметки», включив в них свои записки о киноискусстве и, в первую очередь, о творчестве тех деятелей советской кинематографии, с которыми он был связан многими годами дружбы и совместной творческой работы (С. М. Эйзенштейн, А. П. Довженко, В. И. Пудовкин, С. А. Герасимов, Э. И. Шуб и др.). Однако этот замысел остался невыполненным.

«Субъективные заметки» — самая последняя работа А. Фадеева. Над их подготовкой к изданию в настоящем сборнике он работал до последнего дня своей жизни.

В подразделах «Русская литература», «Западная литература» и «О живописи» записи даны — по воле автора — не в хронологическом, а в тематическом порядке. В подразделе «На разные темы» записи приводятся в хронологическом порядке.

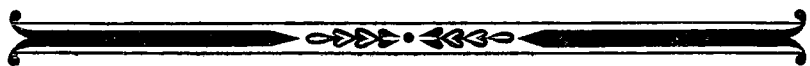
Четвертый раздел состоит из статей, писем и публичных выступлений А. Фадеева по вопросам специфики писательского труда, о работе над языком художественных произведений и о собственном творческом опыте.

Все публикуемые в сборнике тексты по просьбе автора заново сверены с их первоначальными вариантами. В ряде случаев устранены ранее сделанные купюры.

Сборник «За тридцать лет» — последний труд А. Фадеева. Подготавливая материалы для этого сборника, Фадеев проделал огромную творческую работу, свидетельствующую о подлинно высокой требовательности писателя к своему труду. Вместе с тем многое из вновь написанного Фадеевым для этого сборника дает наглядное представление и о круге проблем, особенно интересовавших писателя в последний год его жизни.

А. Фадеевым были не только подготовлены тексты публикуемых материалов, но и одобрен порядок их расположения в сборнике: «Все... идет в том порядке, в каком я хотел бы видеть это в книге», — писал он в марте 1956 года. Выпуская сборник «За тридцать лет», мы выполняем волю покойного писателя.

С. Н. Преображенский



I



СТОЛБОВАЯ ДОРОГА ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мой доклад ставит своей целью наметить в свете современных литературных споров те главнейшие, но пока что самые общие вехи, по которым, на наш взгляд, пройдет столбовая дорога пролетарской литературы.

Я должен с сожалением констатировать, что имею возможность оперировать (и считаю это одним из самых больших пробелов в моем докладе) только материалами русской советской пролетарской литературы. Я не только не хочу себя оправдывать, но, повторяю, считаю это одним из самых больших пробелов в моем докладе, ибо полагаю, что украинская, грузинская и другие национальные отряды советских пролетарских литератур имеют уже сравнительный материал для того, чтобы оперировать им в подтверждение основных положений моего доклада. С этой точки зрения, может быть, мне следовало бы сделать такую оговорку, что речь идет о *русской* пролетарской литературе. Но я глубоко убежден, что в специфическом преломлении для всех относительно передовых национальных отрядов пролетарской литературы — основные положения моего доклада более или менее подходят.

ЦЕНТР НАШИХ СПОРОВ

Мне кажется не случайным, что центр споров, которые велись за истекший год, сосредоточился на той проблеме, которую принято называть проблемой «живого человека» в литературе. Но я надеюсь показать, что это было все-таки частным выражением другой, более крупной проблемы. Нужно сказать,

Доклад на Первом Всесоюзном съезде пролетарских писателей в 1928 году.

что термин этот — «живой человек» — так часто употреблялся и кстати и некстати и так сильно его заштамповали, что уже не верится, что действительно за этим самым термином может скрываться что-либо живое. Однако мы не будем сейчас заниматься изобретением нового термина, а посмотрим, что же, собственно, говорилось вокруг пресловутого «живого человека».

Говорилось чрезвычайно и излишне много. Здесь привязали нам, воспользовавшись неудачным выражением одного из наших товарищей (в статье по совершенно другому и совершенно конкретному поводу), рассуждения о некоем «гармоническом» человеке. Очень много говорилось о «психоложестве». Появился на сцену даже «пассеизм» и много всяких «изменных» зверей. И вот, когда пришлось разворошить всю эту шелуху, то оказалось, что наша постановка вопроса о показе живого человека в литературе была все-таки самой простой и самой понятной. Ибо наша постановка вопроса сводилась к тому, что мы находимся еще на такой низкой художественной ступени, что не научились показывать людей во плоти и крови, а показываем их схематически. А нужно показывать их так, чтобы читатель *верил в то*, что такие люди действительно существуют. Ю. Либединский в свое время совершенно правильно определял этот схематизм, который господствовал и еще далеко не изжит в нашей пролетарской литературе: «У нас люди давались так: вот комиссар такой-то. Ему надлежит обладать такими-то определенными чертами. Мы и давали ему такие-то черты и пускали в действие. Дальше — буржуа: ему надлежит обладать вот такими-то чертами. Интеллигент — то же самое: определенный трафарет — и идет в действие»¹.

Наша постановка вопроса о показе живых людей в литературе ставила своей целью преодолеть этот схематический показ людей, чтобы писатели показывали их во всей их сложности и многообразии. Только такую цель мы преследовали.

Теоретики «Кузницы» на своем совещании говорили так: мол, вапповцы за показ живого человека *вообще*, а мы, мол, за *классового* человека. Но недалеко же ушли теоретики «Кузницы», если, имея уже лет по сорок от роду каждый и лет по пятнадцати работая в литературе, восемьдесят лет спустя после открытия Маркса, они продолжают твердить *только* эту истину.

Да, товарищи, наша постановка вопроса отнюдь *не отрицает* той элементарной истины, что мы должны показывать *классовых*, а не *выдуманных* людей.

¹ Журнал «На литературном посту», 1927, № 1, стр. 26.

Нигде у Маркса не говорится, что классовые люди — не живые люди, а манекены. Именно живые люди — классовые люди. Из этого вы, товарищи, видите, что наша постановка вопроса была все-таки самая простая, самая понятная, и она глубже всяких других проникла в сознание пролетарских писателей.

Позвольте, что же в этой постановке нового? Разве в литературе прошлых времен не стоял всегда вопрос о показе *живого* человека? Да, товарищи, не всегда, но перед литературой прошлого эта проблема стояла. Возьмем смену романтической школы — школой реалистической во Франции, примерно в середине прошлого столетия. Буржуазия тогда уже вступила в первые бои с пролетариатом, но еще далеко не исчерпала своих сил и могла многое сказать. Передовые люди этой буржуазии, не посягая на основы буржуазных отношений, видели, однако, мещанство и пошлость окружающей среды, и для того, чтобы противопоставить пошлости этой среды что-либо более привлекательное, они занимались тем, что изобретали таких героев, которые не существовали в действительности. Я говорю о французской романтической школе конца Реставрации и начала царствования Луи-Филиппа. Оказалось, что эти ходульные герои могли удовлетворить читателей только в самое первое время, ибо, как правильно говорит Плеханов, ходульный и выдуманный характер героев не может быть признан достоинством художественного произведения. И реалистическая французская школа, пришедшая на смену романтизму, поставила вопрос относительно показа живых людей — пусть мещан, но живых людей. Наиболее яркий представитель этой школы, писатель Флобер ставил своей задачей достигнуть как можно большей объективности в показе окружающих людей. Флобер, например, говорил, что к человеку нужно подходить так же, как естественники подходят к животным.

«Надо обращаться с людьми как с мастодонтами или с крокодилами, — писал Флобер. — Разве можно горячиться из-за рогов одних и из-за челюстей других? Показывайте их, делайте из них чучела, кладите их в банки со спиртом — вот и все. Но не произносите о них нравственных приговоров; да и сами-то вы кто, вы, маленькие жабы?»¹

Как известно, у нас в России Л. Толстой в своем подходе к изображению действительности и человека стремился к максимальной правде, к правдивому изображению человека. И нужно сказать, что эти реалистические направления бур-

¹ Цитируется по статье Г. Плеханова «Искусство и общественная жизнь». Сочинения, т. XIV. Госиздат, стр. 143.